

СЛАВА
СЭ
ЕВА

Слава Сэ Ева (сборник)

*Текст предоставлен издательством «АСТ»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2442445
Слава Сэ. Ева: АСТ, Астрель, Харвест; Москва; 2011
ISBN 978-5-17-075714-5, 978-5-271-37573-6*

Аннотация

Это новая книга популярного блоггера Славы Сэ, автора позитивного, морали не читающего, в душу за просто так не лезущего. Его творения надо просто читать и наслаждаться!

В книгу вошли повесть «Ева» и сборник рассказов, озаглавленных как «Другие опусы...».

Содержание

Ева	6
Глава первая	6
Глава вторая	26
Глава третья	45
Глава четвёртая	65
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Слава Сэ

Ева (сборник)

Красивые женщины по мне как-то не сохнут. Умным мешает острое ожидание морщин, зависть дурнушек и особенно немытая посуда. Угнетённый дух не даёт им разглядеть, насколько интересны бывают полнеющие литераторы глубоко внутри себя.

С глупыми ещё хуже. Упоительная красота, свойственная абсолютно безмозглым существам, требует себе в пару красоту записных мерзавцев, с их лаковыми кудрями и длинными пальцами. Мир, сшитый из плешивых котов, вредных детей и дурных старух им не интересен.

Мне благоволят лишь сутулые специалистки по Ницше. И то, под настроение.

Но как-то вычитал у Франкла, что обстоятельства теряют власть, стоит разуму воспарить и переосмыслить быт. Мгновенно всё изменится. Красивым станет то, что я назначу быть красивым. Усилием воли сотворю себе Еву, райский сад и прочий мир. И определю себе место в нём. И тут же в дверь войдёт безупречная женщина. Если верить Франклу, мне будет уже не до неё.

Примерно об этом и повесть. Человек забитый найдёт в финале лишь новый круг печалей. Крепкий духом увидит, как некто высший учит нас творить. По вере будет и развяз-

ка.

Если метафизика вам скучна, то книга просто о сбыче
мечт. Сбываются они всегда не так и не ко времени.

Ева

Глава первая

Я расскажу вам, как обижаются латвийские женщины. Таковых у нас водится три типа.

С севера пришли рыбачки. Невысокие, бойкие. У них монгольские глаза и крепкие ноги. В любви они самоотверженны. Надолго не обижаются, губу не оттопыривают. Чтобы выразить эмоции, считают они, лучше всего подходит сковорода. Выйдя замуж, варят тыквенный суп и носят на себе по пятницам своих алкоголиков. Очень надёжные и искренние.

С юго-востока прибыли гражданки другого рода. Рослые, с широкой костью. У них тонкая кожа, робкий характер и невыносимые матери. В зрелом возрасте они плевком убивают коня. В молодости мечут в обидчика предметы быта, потом с упоением ревут. Унявшись, долго смотрят в зеркало на распухший нос. Один нетрезвый генетик утверждал, их род как-то связан с лошадьми петровских драгун. Конечно, это враки. Печальные их глаза и вытянутые лица сформированы исключительно дождливым климатом.

Наконец, самые головокружительные женщины выбрались из моря на западе. Больше неоткуда. Они пришли сражать принцев своим чудесным характером. Теперь вы знаете,

как вымерли принцы. Не находя привычной добычи, русалки сводят с ума кого попало. Светлоглазые, невесомые. Они разрушают волю, лишь раз хлопнув ресницами. Их приятно носить на руках. С ними последний задохлик чувствует себя Кинг-Конгом.

В сказке они безголосые. В настоящей жизни и рады бы поболтать, но не могут вставить и слова. Мужчины в их присутствии становятся ужасно велеречивы. Каждый спешит рассказать самую героическую из своих историй. О том, как однажды, выпив полную канистру спирта, он набил морды огромным хулиганам. В конце истории враги упали, а рассказчик даже не вспотел. Сами понимаете, русалки не великого мнения о мужском уме.

И они-то лучшие в мире по технике невербальной обиды. Одной лишь губой маленькая женщина выражает сотни оттенков недовольства. В диапазоне от «Какой-то ты нелепый в этих джинсах», до «Я поняла, эти розы отравлены».

На их беду, средний мужчина туповат. По эмоциональной чуткости он близок к хомякам и дафниям.

В мире известны семьсот видов женских слёз. И на всё это великолепие мужчина реагирует единственной фразой «Ну чё ты, Кать».

Деспоты Африки селят своих жён в отдельных кухнях. Без понимающего зрителя обида теряет признаки искусства. Целые пласты драматургии пропадают. Арабские антропологи даже описывают женщину как неуклюжего человечка в плат-

ке, не способного дуться вообще.

Скандинавы напротив, считают обиду нормальным состоянием жены. При усилении шторма они раскрывают газету и ждут улучшения погоды. Пять лет семейной жизни превращают мальчика в викинга. Он презирает смерть и может захватить много приличных стран, если надо.

Мой знакомый служил на танкере капитаном. Мог позволить себе дорогие излишества. Например, его жена сразу была и красива, и со скверным характером. Многие лишь мечтают о такой роскоши.

Знакомого зовут Карлис. В тридцать лет он женился на почти прозрачной девушке. Её звали Мария. У неё были тонкие пальцы и такие большие кольца в ушах, от которых нет спасения. По маме она была княжна, а по папе полячка. Пять лет они жили счастливо. Купили дом в дальней Юрмале. Он дарил ей аленькие цветочки, она ему оттопыренную свою губу. Вообще, губа очень ловкий орган. С широкими возможностями для самовыражения.

На пятую годовщину брака Карлис приготовил плов. По секретной узбекской методике. Его жена Мария не практиковала восточную кухню, предпочитая простую еду моделей – сельдерей. Карлису показалось, она обрадуется большой горе вкусных калорий. Из пятидесяти разных рецептов он синтезировал лучший. Купил казан. Купил курдючное сало и очень дорогой рис. Рис следует варить в льняном мешке, он купил ткань, сшил мешок. Учёл сотни тонкостей.

Но женщины не считают приятным подарком жирное мессиво в чёрном котле. Колечко с топазом куда милее, уверяют они окружающих. Мария взяла себя в руки и попробовала сюрприз. Целых две секунды сдерживалась. Потом призналась, что плов – говно.

Карлис неделю это блюдо планировал и три дня готовил. Вложил в него душу и килограмм изюма. Он тоже не стал увиливать и сказал ей – дура!

Мария выдвинула губу на 13 миллиметров, что значило «враги навсегда». Выбежала, села в джип и уехала. Долго приходила в себя. Даже заехала в крупный торговый центр, в терапевтических целях. Там нашла такой шарфик, что решила, ничего. Он всё-таки старался. Смешно искать в мужчине душу. Дерево, оно и есть дерево.

Вернулась домой. А дома пятеро его друзей, уже пьяные, жрут проклятый плов. Смеются гадкими голосами.

Другая стала бы мстить. Налила бы всем за шиворот рыбьего клею. Позвонила бы его вредной маме, чемпионке по мерзости характера. Сказала бы, у сына карлес, а он не хочет лечить. Мама бы примчалась и запломбировала Карлису его капитанский мозг. Да мало ли чего. У расстроенной женщины фантазия шире возможностей бога.

Но месть – удовольствие низких людей. Благородные натуры это остро чувствуют. Маша обрызгала компанию слезами, схватила запасные трусы и умчалась к подруге на шесть дней. В некоторых обстоятельствах это почти вечность.

Женское сердце нелогично, глупо и прекрасно. Можно воспеть глаза, колени, шею. Всё, что знает о женщине анатомический атлас, всё в ней волшебное. Если только она помнит, как коварны бывают сладкие булочки.

Но колени с годами обвиснут, глаза выцветут. И только сердце останется шёлковым. Оно способно простить сожравшего деревню дракона, потому что зверёк хотел кушать.

С мужем трудней. Тут нет смешного хвостика и белых лапок. Жалеть и прощать мужа почти не за что. И всё-таки, Маша заехала посмотреть как он там, дурак.

Карлис сидел трезвый, причёсанный, руки на коленях. Пол выметен. По грустному лицу было видно, раскаивается. Маша решила дать ему шанс. Она спросила.

– Я видела, ты звонил. Ты хотел что-то сказать?

А он:

– Да. Не могу найти патроны. Мы с мужиками идём на кабана, я весь дом обыскал.

То есть, он ничего не понял. Мария показала ему выражение лица «горькая усмешка № 7, прощальная».

И ушла. Он мямлил вслед про любовь и одиночество, но было поздно.

В тот же вечер она уехала. В Таиланд. Навсегда, практически. Гуляла по пляжам и другим медитативным местам. Думала, как же хорошо вот так, совсем одной. Никто не предаст и не плюнет в доверчиво распахнутую душу.

Когда отдых наконец-то закончился, она заехала домой.

За одеждой. Представляла, как обдаст его холодом. Как он всё переосмыслит и содрогнётся. И, может быть, даже поседеет от осознания свалившегося горя.

Заходит в дом, а навстречу какая-то белобрысая дрянь в трико. Вульгарная, глаза рыбы, губы средней полноты, рост 173, вес не меньше 60-ти, на плече тату с паучком, страшная безвкусица. Других деталей не заметила, вообще не смотрела, очень надо. И ещё говорит:

– Здрасьте, Карлис вышел, скоро будет.

Тут как раз подъехал Карлис. Увидел, что его встречает группа хмурых женщин и не стал останавливаться. Он не решился причалить вот так сразу. Почувствовал, что у него ещё дела. И помчался куда-то вдаль. Иногда с танкером общаться проще, чем объяснять жене, что это не дрянь, а Лиза, домработница.

Мария не выдержала. Прыгнула в джип и погналась. Может, она хотела кого-нибудь обезглавить. Или оторвать этому кому-то его бубенцы. Забить насмерть туго скрученной газетой. Неизвестно. Хотя бы треснуть его в бампер.

В Интернете полно видео, где злая жена колотит машину мужа своим драндулетом. Сегодня это модно. Например, проклятый изменник приехал к любовнице. А жена выследила, подкралась, и ну долбить. Только брызги летят. Все мужчины видели это кино и ужасались. И каждый запомнил, если на вас мчится ваша официальная любовь, самое лучшее – всё бросить и бежать.

Супруги мчались по деревне, пугая дачников. Как Шумахер и Алонсо, как Чапай и белые. Это была лучшая погоня в истории посёлка. Клубы пыли можно было видеть из космоса, если знать, куда смотреть. Ехали они, ехали, потом Карлис неловко как-то свернул и врезался в дуб. И замер за рулём, подозрительно.

Рассерженная жена польско-княжеских кровей вмиг стала просто Машей. Она подбежала и стала его вытаскивать, мерзавца. И оторвала дверь машины вместе с петлями, в спешке. А он такой, весь в битых стёклах:

– Маша, Маша, эта коза, она из фирмы по мытью посуды и пола. А я одну тебя люблю. Хочешь йоркширского терьера?

– И шубку, – согласилась Маша, потому что правда была на её стороне.

Если бы эту историю пересказывал Киплинг, Карлис в эпилоге уехал бы в Новую Каледонию. И там бы пропал, изучая новый галлюциноген на основе выпаренных жаб. Маша бы погоревала и вышла за соседа полковника. Но поскольку это повесть об обычном русско-латышском браке, дальше всё скучно. Они родили пару толстопуzych негодяев. Карлис утратил тягу к кулинарии и увлёкся плетением корзин. Маша продолжает обижаться, потому что лучшего способа разнообразить жизнь латвийской деревни так никто не придумал.

Ещё у них родилась девочка, Ева. Сейчас ей двадцать, она пахнет моим несчастьем. Я из-за неё то смеюсь, то плачу. Но всё равно, иду на запах.

Ночью повалил снег.

Когда посетителей мало, Ашот говорит:

– Матвей, набрось на клавиши вуаль и ступай.

Ашот мечтает вырастить из рюмочной музыкальный салон. Приволок старое пианино с подсвечниками. На таком хорошо исполнять романс «Уйми мою печаль». Ашот заплатил настройщику больше, чем стоил бы новый рояль. Собрал телефоны знакомых тапёров. Теперь мне не надо готовить ужин по пятницам и средам. Отыграв три сета, я пью кофе, раскланиваюсь с барменом и еду к себе, на Васильевский.

Под первым снегом город путает цвета, чёрное небо над белой землёй. На тротуарах хоть роман пиши. Я медленно катил вдоль Таврического сада. На углу с Кирочной будто белая тряпка мелькнула перед капотом. Чьё-то полужидкое тело шмякнулось и стекло на асфальт. Пешеход. Девица. Слепая курица. Я выскочил из-за руля, стал её поднимать. Пострадавшая носила белые одежды, но так ругалась, точно не ангел. Бурчала сквозь зубы неразборчиво. Однако ж смысл её бормотаний не требовал пояснений.

Улица была пуста. Тишина, ночь и снег. Устраивать шоу со слезами и свидетелями не хотелось. Я взял барышню на

руки. Судя по запаху, она вся состояла из коньяка и бисквита. Торт, а не девушка. Усадил в машину. Сказал, сейчас поедem к дяде доктору. Уже всё хорошо, уже сейчас. И погнал на проспект Луначарского, в областную больницу. Красивая и пьяная, падшая не-ангел повернулась боком и заснула.

В областной больнице работает одноклассник, Саша Пивоваров. Он хотел стать гинекологом, но из страха потерять либидо ушёл в травматологию.

– Гинекологи слишком много знают о внутреннем мире женщин, – решил он. В ортопедии же он надеялся на бесконечные встречи с растяжениями женской лодыжки. Саша не обычный медик-бабник, а очень романтический. Свою теперешнюю сколопендру Лену он пятнадцать раз подряд проводжал с работы до подъезда и не тронул даже за локоть. Снова и снова они прощались у дверей. Пресыщенная Есениным Лена не выдержала и сказала:

– Тебе прелюдия дороже человека!

С тех пор их чувства только крепили, несмотря на сотни исцелённых пациенток.

Саша обожает бразильские сериалы. Он выучил португальский и выпитывает яд чужих измен без потери качества. Долгие ночи дежурств всё смотрит долгие, как полярная ночь истории. В них мерзавец Жозе бросил Алисию. А богатый и вычурно красивый Олаву полюбил её прямо на автобусной остановке, под дождём. А она не была к этому готова. Поэтому сначала отвергла Олаву. Тогда он женился на дру-

гой. Алисия страдала, и он страдал, и так далее, до самого финала, который отодвинут куда-то далеко за сроки жизни нашей солнечной системы.

Я позвонил Саше, сказал, что сбил девушку, симпатичную. Сентиментальный Сашин мозг с проецировал на нас какой-то бразильский бред. Ортопед разволновался, выбежал на улицу. Ему не терпелось присутствовать при завязке сюжета. При всём его больном воображении, врач он прекрасный.

Он принялся, спросил, как зовут коньячную фею. Я не знал, что ответить. Сумочки при ней не было. Лапать документы по карманам неловко. Мадемуазель перенесли на каталку, затащили в зев приёмного покоя. Дева продолжала ворчать, но не как раненая, а как очень пьяный зимний сто-рож.

Однажды мне под колёса выскочил мальчишка. Гаврош, дитя заводских окраин, собиратель бутылок. Он начал курить ещё в яслях и не вырос. Его никто бы не заметил за машинами. При том оказался крепким как гвоздь. После удара вскочил и понёсся к горизонту. Я кричал ему – вернись, у тебя шок! Но звуки моего голоса преодолевали пространство медленней, чем его ноги. Гнаться по центру Питера за ребёнком – плохая идея. Граждане могли накидать мне по соплям, на всякий случай. Чтоб не пугал маленьких. Да и поймать этого юного гепарда смог бы только очень быстрый автомобилист. А я пианист и офисный работник, во-

все не бегун.

Теперь, подчиняясь закону второго ботинка, под колёса выпала эта пьяная снежинка. Жаль, она была не в состоянии так же смущённо сбежать в темноту. Я был бы ей признателен.

Больничная кофе-машина разливала бурую глину по цене венского кофе. От бессонницы и этого пошла голова кружилась. Из зеркала в гардеробе на меня смотрел инопланетянин с тёмными пятнами вместо глаз, с лицом серым, как деревенская дорога. Я пообещал, что завтра поеду в храм. Поставлю свечу «за здоровье рабы твоей, Господи, анонимной, в белом пальто».

Под утро «скорая» привезла мужика с заклинившим сердцем. Снова вышел доктор Саша. Сказал, как только появятся гадкие новости, он позвонит. Здесь сидеть не обязательно. Пострадавшую осмотрели. Вроде бы, целая. Ничего такого, ножки, попка. Уши маленькие. Теперь спит. Как проснётся, будем чистить кровь. Подключим систему или даже перегонный куб. Из пациентки можно выпарить до литра отличного коньяка. И, конечно, она пройдёт всякие МРТ, УЗИ, рентген. Всё как в медицинских сериалах, только намного, намного дороже. Саша сделал специальное лицо, приглашая улыбнуться его весёлой шутке. Я неопределённо поморщился.

Спросил, почём обойдётся диагностика. Саша написал в блокноте пять цифр. Раньше его рунические загогулины вы-

зывали радостное удивление – как же можно так криво. Сумбурная смесь арабской вязи с криптографией немецких подлодок. Сегодня впервые я удивился не форме написания, а смыслу. Цифры намекали, пришло время всё продавать и бежать в Финляндию. Как Ленин по льду залива.

– Это смета ремонта клиники? – я знаю, торг надо начинать издалека, с абстрактной фразы.

– Может, давай на эти деньги купим немецкий округ Вест-фалию, у них там отлично лечат. Сэкономим, заодно.

Саша не любит мелочных людей. Он считает, хороший врач не опустится до поста и воздержания.

– Если дорого, ступай в милицию. Они выпишут направление в Сибирь. Научат шить варежки. За десять лет накопишь на «калину». Станешь давить красивых женских прохожих с удвоенной ненавистью.

– Надо было везти её сразу в ЗАГС, пока пьяная. Отдал бы половину нажитого при разводе, вышло бы дешевле.

– Старик, настоящее разорение впереди. Я видел её при свете. Без тяжёлый материальных потрясений с ней расстаться невозможно.

Банк ночью денег не даст. Им всё равно, кого ты переехал джипом. Я отправился домой. Дома пусто.

Два года назад моя жена повстречала мужчину своей мечты и это был не я. Отрада её очей служит альтистом у Спивакова. И вот уже два года, как мне неприятно творчество их оркестра. Я считаю его унылой попсой.

Оля долго переезжала. Будто отрезала по частям – уши, хвост. В Новый, 2009-й год, её тело окончательно перешло к альтисту. Со мной же остался дух. Бродит по квартире, шелестит занавеской в ванной, заглядывает в холодильник. Первое время я покупал ватрушки на двоих и грел полный чайник, по привычке. Но призрак жены не жрёт ничего. В часы между ужином и сном он делается особенно навязчивым. Я не прочь бы завалить его в кровать, но бесплотная иллюзия ускользает.

Представляю, как однажды я обрадуюсь её пропаже. Раздастся звонок в прихожей. Открою дверь, а там холостая Моника Белуччи. Заплаканная, расстроенная, и попросит стакан воды. И вот я с радостью не в силах отказать Монике. И уже ночью, когда Моника, как смогла, выразила благодарность за питьё, я тихо скажу небесам «спасибо». А пока не могу. Покупаю по две ватрушки. И занавески качаются, будто кто-то их шевелит.

У меня двухкомнатная квартира на Васильевском острове. Престижный район. Даже алкоголики, и те у нас не воючие. Работаю в рекламной конторе, сочиняю вредную для здоровья галиматью. Два раза в неделю бряцаю по клавишам в ресторане Ашота. Кабачок называется «Чёрный голубь». По замыслу хозяина, я и есть этот голубь. Владелец специально подарил мне свитер цвета «только ночь сосёт глаза». Пианино вороное, две белых свечи оттеняют нашу с инструментом бескомпромиссную антрацитовость. Ничего не знаю

о выручке. Платит Ашот исправно. Подозреваю, из своего кармана. Своё понимание термина «чёрный джаз» он отразил в нашем погребальном дизайне.

Ещё пишу колонки в два журнала, в «Бэль» и в «Шоколад». В резаном телеграфном стиле. Подражаю Эрленду Лу. Мой лирический образ – мужчина с разбитым сердцем. Познавшие горечь разлук читательницы охотно меня жалеют.

Днём отращиваю сало в офисе. За соседним столом точит ногти дочка шефа, Катя. Пересказывает мне ЖЖ, приносит какао, иногда булочки, самодельные. Мы с ней перемигиваемся. Покуда я не целюсь в зятя, её папа меня не жрёт.

Однажды Катя напросилась со мной в ресторан, послушать как играют человеко-голуби. Я исполнил ей композицию «Nature boy», полную многозначительной неги. И ранил прямо в душу, своими неполными аккордами. Не то чтоб сердце вдребезги. Но мы пили вино и целовались потом в машине. Потом в моей кухне. Дальше лобзаний дело не пошло. Списали на хмель. Я в ту ночь спал на диванчике в гостиной. Катя заняла оборону в спальне. Пару раз ещё она оставалась у меня. По-дружески, за тщательно закрытой дверью. Конечно, летает между нами некое напряжение. Того и гляди, бабахнет голубым и белым.

Её папенька, Гамлет Суренович, похож на Кашея лицом и характером. Не удивлюсь, если секрет его деловой удачи связан с дубом, сундуком и зайцем. Как директору, ему даже идёт некоторая костистая мрачность. Он почти прекра-

сен, как начальник. Строгий, все его боятся. Не то чтоб я опасался получить за дочку в лоб посохом. Взяться за Катю подробней мешает не папа, а отчётливый, как на фото, призрак сбежавшей жены. Ну да, я уже жаловался. Он всплывает всегда ни к месту, и всегда очень ярко. Лечиться Катей от жены нечестно. Катя этого не заслужила. Гармонии в мире нет. И не было никогда. Интересно, к каким таким метаморфозам свалилась на меня эта снежная баба. Пошли нам всем, господа, для неё здоровья.

Я чувствовал себя аквариумом, наполненным гадким кофе. Но упал и уснул так крепко, будто не людей сбивал, а поля возделывал.

Проснулся в полдень. Воскресенье. Где-то в коридоре плакал телефон. Долго шлёпал куртку по карманам, спросонья не мог найти. Звонил доктор Саша. Чемпион по шифрованную финансовых отчётов. У него скопились новости.

– Ну, слушай, поздравляю. Шесть переломов. Сотрясение и тяжёлая контузия. Тебе повезло. Она никогда ничего не вспомнит.

Я молчал.

– Ещё разрыв селезёнки. Менингит и колики. Артрит, радикулит, беременность. Тройня. Забыл сказать, ещё холера. Старик, где ты её нашёл? Я напишу о ней диссертацию!

Если Саша взялся шутить, важно не суетиться. Приступ юмора скоро пройдёт. Можно перемножить в уме трёхзначные числа или просто думать о здоровье для всех людей Зем-

ли. Ни в коем случае не отвечайте и не подыгрывайте. Иначе Александр запишет вас в остроумные люди навсегда. И больше ни слова в простоте из его уст вы не услышите нипочём, во веки веков, аминь.

Не найдя поддержки, Саша прикрутил фонтан юмора и заговорил, как человек с почти здоровым мозгом.

– В общем, так. Она здорова. Можете размножаться, благословляю. Анализ крови непонятный, но ещё проверим. Щёки розовые, дышит ровно, мыслит ясно. Мы поболтали. Её зовут Ева Упите. Она из Риги, фамилия латышская. Переводится как маленькая, маленькая река. Ручей, практически. Приехала в гости к подружке. От той сбежал муж. Бабник, трус и негодяй. Воспользовавшись отсутствием подлеца, девочки уничтожили коллекцию его коньяков. Из соображений мести и духовного роста. А вчера муж вернулся. Понятно, скандал. Не желая портить интимный момент, твоя снегурочка пошла гулять и встретила тебя. На всякий случай, я сказал, сбивший её хам скрылся в темноте декабря. Сюда её привёз неизвестный рыцарь. Это ты. Не пугайся. Звучит дико, непривычно, но надо терпеть. За чей счёт весь этот диагностический пир, она не спросила. Буржуйка в пятом поколении. Я бы с ней похихикал поподробней, но на работе не могу. Моя Лена такой анестезиолог. Отравит – не заметишь. В общем, дуй сюда, забирай свою Белоснежку.

Терпеть не могу без вины извиняться. Выпала пьяная коза на дорогу. Но виноват, разумеется, я. Потому что ехал на

наглом чёрном джипе. Придётся чего-то врать. Я купил кондитерского вида георгин, символ мужского покаяния. Приехал в больницу.

Больная сидела в кровати, размазывала по тарелке что-то серое и липкое. Администрация выдала ей зелёный халат универсального размера, в такой можно танк завернуть. И два левых тапка. Ножки тонкие. Жалко её.

– Здравствуйте. Я Матвей, это я вас вчера... повстречал. Ночью. Вижу, вас кормят столярным клеем?

– Да. Они боятся, я развалюсь на тысячу отдельных девочек.

– Это было бы горе. Вам идёт, когда вы целая.

– Скажите, Матвей. Вот вы хотели меня задавить из спортивных соображений, или из личной неприязни?

Значит, Саше она не поверила. Я стушевался.

– Послушайте, Ева... вы так внезапно, как с метлы свалились, я очень виноват...

– Да. Я такая... Когда выпью, от меня не увернуться. Позже я придумаю способ, как вам отомстить. Берегитесь отныне женщин в пальто. А пока садитесь.

Она подобрала ноги, подвинулась. Я присел на край кровати.

Очень приятная девочка. Она нравилась, никаких усилий к тому не прилагая. Без кокетства и специальных, отрепетированных поз. Ей достались такие ресницы, такие тонкие запястья, что насмотревшись, не жаль и застрелиться. Остав-

шись в комнате без людей, наверное, она очарует мебель. За ней вприпрыжку убегут кровать и тумбочка.

Ева отставила тарелку.

– Послушайте. Ваш автомобиль поступил со мной так, что теперь обязан жениться. Но я вас обоих прощу, если вы отвезёте меня домой. Когда я выбежала в ночь таранить транспорт, то не взяла с собой ни денег, ни телефона. А у девчонки такой специальный мозг, номера в нём совершенно не хранятся. Это ж не нужные для жизни таблицы калорийности. Короче, положите меня туда, откуда взяли. Пожалуйста.

К полудню город превратился в филиал Колпинских болот. Улицы полили реагентом. Куда ни ступи, под ногами хлюпает бурая грязь. Мы заехали в химчистку, сдали пальто. Постояли в пробке на Невском. Я рассказал, как писал однажды рекламу жидкого мыла. Меня вызвал шеф, вручил баночку с бледно-жёлтой субстанцией. С этикетки таранилась светловолосая фея. Волосы феи развевались сразу во все стороны. Как принято у женщин на этикетках, она улыбалась очень счастливо. Над ней была густо-зелёная надпись «Molly». Шеф спросил, знаю ли я, что это. Я ответил: конечно. Вчера обсуждали производителя шампуней, потенциального клиента. Шеф приказал написать к утру рекламный проспект.

Я не стал испытывать шампунь на себе. Только понюхал: вязкая гадость пахла яйцом и травами. Статью накатал быстро. Нигде не указал, что это шампунь. Это была хитрость.

Писал только имя собственное – Молли. Получалось будто Молли – наш старый знакомый, лучший друг. То есть, по-друга. Без Молли – никуда. Без него (неё) и баня не баня.

Утром отправил секретарю, она переправила заказчику. В обед меня вызвал шеф. Сказал, что клиент шокирован. Он уверен, наши текстовики стимулируют творчество запрещёнными препаратами. Я поклялся, что был трезв.

Шеф сказал, что я правильно уловил маркетинговую идею: некая Молли нашла лучший в мире состав. Но зачем эти перегибы, эти странные утверждения: что майонез «Molly» универсальное средство, которое можно использовать как гель для душа, в том числе. Что волосы от него удивительно пышные, что он снимает кожный зуд и питает эпителий головы экстрактом яиц и чабреца. Шеф спросил также, не пробовал ли я сам есть этот майонез-майонез ртом, или только всё наружно применяю, как указано в статье?

Выбрались из пробок, докатились до Таврической. Я снял с себя куртку, проводил её до дверей. Третий этаж. Если бы никто не открыл, потащил бы в «Чёрной голубь». Сыграл бы «Nature boy», проверенное средство.

За дверь затопали.

– Ну вот, Матвей, всё в порядке. – Ева улыбнулась, вернула мне лапсердак. Я улыбнулся почти естественно, кивнул и пошёл прочь. Со второго этажа слышал, загремели замки, распахнулась дверь. Чужой противный голос затрещал:

– Евка, мы же чуть с ума не сошли. Звонили, звонили...

Твоя мама нас съест!

Мы расстались – никак. Странно. Будто ехали в одном купе и разбежались каждый в свою сторону. Нужно было телефон спросить, хотя бы.

Вечером я сел писать колонку. За час написал пять предложений: «У неё низкий голос, чуть посаженные связки. Будто она не спит ночами и много курит. И тонкие пальцы. Если она меня ими коснётся, я замру, как ёж. И, кажется, я приплыл».

Глава вторая

Не мог заснуть, сбил простыню в верёвку. Утром встал разбитый, будто из трясины вылез. Загадочные коммунальные боги отключили отопление. На улице декабрь, холодно. Сварил кофе. Как удав, проглотил бутерброд. За окном мёрзнет каштан, по ветке ходит ворона, ровно напротив окна.

– Вот такая вот Ева, из Риги, – сказал я вороне. Птица кивнула печально, спрыгнула куда-то вниз и пропала. Покончила с собой от холода и неразделённой любви.

Ехал на работу, на углу Большой Монетной заметил белое пальто. Свернул следом, испугал невиноватую студентку. Час потерял, пытаюсь развернуться. Удивительно много в Питере белых одежд. Город в начале зимы грязный. Всё, что ступает по тротуару, быстро принимает цвет асфальта. Кто эти романтические храбрецы в белом – непонятно. Тайный прибалтийский орден любителей стирки. На работу я опоздал.

Катя напекла пирожков, офис гуляет. Я не хочу есть. Взял один, лень было объяснять про смерть аппетита. Сказал, оставлю на обед. Катя заявила, только негодяи отказываются от пирожков, когда весь прогрессивный мир негласно толстеет. И не является ли моё поведение выпадом против неё лично? Если так, то она пойдёт, немедленно нажалуется па-

пе.

Пришлось кусать. Пирожок встретился с капустой. А бы-
ли ещё с яблоками и с картошкой. Захочешь – возьмёшь, ска-
зала Катя. Наверное, дома у неё, занавески и салфеточки,
флоксы на окне. Пахнет борщом. Без тапок ходить нельзя,
будешь оштрафован второй тарелкой супа. Папа, мама и те-
левизор образуют единый организм по вечерам. Интересно,
что она говорит родителям, когда ночует вне дома.

Вкусный пирожок. Вряд ли Ева такой наколдует. Евы, это
вам не Кати. Евы в доме для красоты и тонких бесед, не ра-
ди гастрономических нужд. Наверняка, она обедает чашкой
кофе и половинкой яблока. Если вдруг гости, закажет пиццу
размером с солнце. Я полез посмотреть в Гугл, где там эта Рига.
И водятся ли в ней пиццы. От моего Васильевского шестьсот
километров на юго-запад. Прогноз говорит, там тоже мок-
рый снег. Ночью -1, днём +2. Всё как у нас.

На фотографиях Риги готические конусы, золотые пету-
хи на голубом или сером фоне. Парк с кривыми дорогами,
выгнутый мост. В рабочих районах будки, граффити и ржа-
вый автопром. Много-много воды, всякой. Реки, дожди, су-
гробы, море, льды и пена. В огромной луже утонул трамвай.
Я смотрел сверху на нитки улиц. Представлял, где бы она
могла жить. Наверное, в центре. Незаметно дошёл в мечтах
до сцены, где я в гостях пью чай. Потом киношная склейка
– и вот уже колесим по Италии на приличном авто. Обни-
маемся, сидим в ресторане с видом на мягкий приморский

климат.

Работать не хотелось. Статья о волшебных свойствах кетчупа «Мужской» неделю как прокисла. Дурацкое название. Клиент задумал осчастливить страну новым соусом. Приходил в офис такой, черноусый. Опалил взглядом девичьи зады. Директор завода овощных консервов. Обратился к нам по совету приятеля, производителя тех самых майонезов для ломких и сухих волос.

Черноусый лично придумал два соуса. Называются «мужской» и «женский». Первый добавляет едоку потенции. С вытяжкой из морских огурцов. Для дамского соуса помидорный директор не смог сочинить добавок. Поручил нам. Конечно, с такими усищами, кроме мужской потенции он может размышлять только об огромной мужской потенции.

Кетчуп – продукт семейный. Покупают его женщины. Если жена подаст на ужин эрегирующую приправу к сосискам, муж набычится. Но наш Гамлет Суренович никогда не спорит с заказчиком. Шеф собрал творцов и приказал расширить торговую гамму до пяти наименований. Так появились томатные соусы:

«Тёщин», особо густой.

«Детский», с витаминами.

Ещё один сорт предложил лично шеф. Он сказал:

– Давайте сделаем кетчуп «Милая бабушка». С кусочками овощей.

Я остановил полёт начальственной мысли:

– Будет выглядеть, будто мы запихнули в бутылку рубленую старушку. Хотя, если на этикетке сразу честно напечатать каннибалов, выйдет даже изящно. Получится вирусный маркетинг. Мы взорвём Интернет!

Гамлет Суренович посмотрел недовольно. Сказал, что ждёт от нас гениальных концепций. Раз все такие умные. А мне отдельно написать статью со скрытой рекламой. На случай, если клиент захочет публикаций. Господа таланты разбегались рожать идеи.

С тех пор прошла неделя. Муза ко мне так и не собралась. Нужно идти сдаваться. Приходить пустым рискованно, я накидал абы каких глупостей. Кетчуп с овощами можно назвать «Дача». Будто бы из помидоров, выращенных на частных грядках. Суреновичу будет приятно, это же его идея.

Для рекламной статьи переписал биографию Генри Хайнца. Разбавил байками о пряностях. Перемешал абзацы в единое творение. Выбросил марки конкурентов. Получилась бодрая история об абстрактном американце, который начал карьеру с тёртого хрена, перешёл на огурцы, но разорился. В 1876-м году попробовал китайский томатный соус ке-циап. Повторить рецепт не смог, зато изобрёл знаменитый «Кетчуп». Через пятьдесят лет помер мультимиллионером. Кроме прочего, Хайнц додумался разливать свою бурду в прозрачные банки. У покупателя возникало ощущение, будто он видит, что покупает. Это был прорыв в искусстве обмана потребителя.

Дальше шли бесполезные справки о самом жгучем в мире перце. Когда-то таковым считался сорт «Красная Савина», но недавно его переплюнул некий Бут Джолокиа.

Волнующие сведения про ожоги рта я выбросил. Написал эпилог с моралью. Нужно было увязать помидор с тестостероном и потенцией. Притянул за уши унылый аргумент: американцы-де агрессивная нация, потому что жрут кетчуп танкерами. От такого мощного пассажа новорожденная мораль истории сдохла, не вздохнув. На слове «маскулинная» вспомнил вдруг, как нёс на руках Еву. И как при этом пахли её волосы. Напасть какая-то. Срочно выбросить из головы. Вздохнул, собрал бумаги и пошёл совещаться.

* * *

Вечером поехали в ресторан, праздновать итоги года. Шеф пригласил самых любимых своих клиентов. В углу усадил струнный квартет, отраду хищной души. Задвинул пламенную речь о небывалых успехах.

Я твёрдо решил не вспоминать латышских вертихвосток. А то весь день парил над ржавыми рижскими крышами, только расстроился. Пианист должен ходить по Земле.

Бал набирал силу. Я взял с подноса бокал тёмно-зелёного яда, побратался с незнакомыми дядьками. Дядьки меня благодарили за какие-то прошлые триумфы. Ничего не помню. Я в ответ любил их всей душой. Помню, нашёл себя сидя-

щим с Катей. После двадцатого примерно тоста «за нескончаемое расстройство желудка сразу у всех работников фининспекции», Катя повернулась ко мне. И стала долго, долго рассказывать, как отдыхала в Грузии и порезала ногу. Тем же вечером я переписал её рассказ. Вышла отличная колонка для журнала «Бэль». Вот этот бессмертный текст:

Многие грузины считают, что Айболит не выдумка, а настоящий доктор, еврей, практикует где-то в Сванетии. Они очень доверяют медицине. Если написано, что доктор пришел зайныке ножку и зайныка скачет, значит, так оно и есть. Быть врачом в Грузии – почётная и опасная работа. С одной стороны, докторов ценят, дарят еду, украшения, деньги и даже лишних дочерей пытаются. С другой – могут заколоть сгоряча.

Моя подружка Катя наступила на битую бутылку. Она посещала пляж в районе Батуми и с отдыха поехала прямо в больницу. Грузинский дядя доктор штопал Катину ногу очень аккуратно. Ей даже показалось, он готов был забрать эту ногу к себе на дачу. Так ему понравилась пяточка.

Штопка получилась – высший класс. Края раны аккуратно обмётаны. Узелков штук сто, всех видов. Доктор хотел бы вышить ещё розочку или свою фамилию, но было уже нечем. Нитки кончились, ногу пришлось отпустить домой. Он лишь вздохнул печально.

Следующие две недели Кате было запрещено ходить по стёклам, поэтому и рассказывать не о чем.

И вот возвращается она в больницу снимать швы. Хромает там и сям, по коридорам и центральным залам. Больных кругом полно, а медиков нет совсем. Вообще никого. Ни докторов, ни сестёр, ни уборщиц. Катя вернулась в регистратуру. К ней бочком придвинулась пациентка в полосатой пижаме.

– Вы чего-то ищете? – спросила она, мрачно оглядываясь.

– Мне бы доктора Бабадзе, швы снять.

Катя показала женщине красиво вышитую ногу.

– Идите за мной. Только быстро.

Больная в пижаме заспешила куда-то вглубь. По дороге озиралась. Выходя на лестницу, смотрела вверх и вниз, в пролёты. Катя смело шла за этой психической.

Они пришли к палате с оторванным номером. Женщина постучала секретным стуком, вошла внутрь. Предварительно посмотрела по сторонам. Через минуту вышла под руку с доктором Бабадзе. Он тоже был в пижаме и сначала осмотрел коридор, потом только выскользнул. Выглядело всё очень опасно и таинственно. Отряд стал пробираться приблизительно на юго-запад. Пришли в котельную. Доктор вытащил из кармана пинцет и ножницы. Опустился перед Катей на колени, начал срезать узелки. Больная женщина в пижаме осталась в коридоре, на шухере.

– Вы каждую пятницу играете в разведчиков? – задала Катя наводящий вопрос.

– Нет. Это всё из-за дедушки Резо, – вздохнул доктор и рассказал историю из жизни горной медицины.

Дедушку Резо привезли на уазике. У машины не было крыши и номеров. Это была не машина, а настоящий горный конь. Дедушка Резо слыл хорошим, тихим дедушкой. Его болезнь называлась «сто два года». Он почти не ходил. Но родных смущало другое. Они заметили, в патриарха входит меньше вина, чем раньше. Его привезли в больницу. Старик неделю шутил, улыбался, щипал за попы младший персонал. Потом однажды выдохнул – и не вдохнул больше. Закатил глаза, тихо уплыл за облака пасти райских баранов.

Главным недостатком усопшего была кровожадная родня небывалой численности. Её прибытие ожидалось с минуты на минуту. Родственники должны были спуститься с гор лохматой лавиной, и прямо в больницу. Описывать внукам, как дела у дедушки никто не хотел.

По предыдущим дедушкам было известно: родственники станут бегать и махать кинжалами. Если встретят человека в белом халате, могут отсечь что-нибудь нужное. Поэтому персонал надел пижамы и прячется. Ортопед в пятой палате, анестезиолог в сквере симулирует аппендицит. Нужно просто выждать. Время кипения джигита не превышает двух часов. На прощание они проткнут шины невиноватой «скорой помощи» и поедут домой.

Кате было жалко «скорую помощь». Но не настолько, чтоб возглавить оборону.

Доктор поднялся с колен, сложил инструмент. Женщину в пижаме он назвал Натальей Ивановной,

попросил перевязать. А сам ушёл пригибаясь, как снайпер.

Наталья Ивановна достала из декольте бинты и йод, стала бинтовать.

Катя говорит:

– Такой аккуратный этот, Бабадзе. Так зашил ровно.

Наталья Ивановна вздохнула:

– Это главврач придумал привязать зарплату хирурга к числу швов. Бабадзе теперь строчит, как японский оверлок. До тридцати стежков на сантиметр. Но получается правда, красиво...

– Ну и вот – закончила историю Катя. – Хочешь посмотреть?

И показала полностью исправную ногу.

Я взял ногу в ладони. Сказал, обращаясь к колену:

– Дорогая Катина нога. Пожалуйста. Поехали сегодня ко мне. Я сыграю вам джаз, потом мы станем целоваться.

Катя забрала ногу, повернулась боком. Стала говорить сердито:

– Я ему всю жизнь выплеснула, распахнула девичью душу. А он хочет с ногой устроить джаз. У мужчин одно на уме. Контрабас и девки. Все вы одноклеточные.

– Это значит «Да»?..

– У этой прекрасной ноги, Матвей Александрович, есть хозяйка. Между прочим, очень строгая. Нога её слушается и сама по себе не пойдёт. Тем более, с нетрезвым пианистом.

Мне стало наплевать, насколько суров наш папа. Как-ни-

будь разберёмся. Катя хорошая и всё наладится. Я прикинул, есть ли в доме чистые простыни. Стал насвистывать военные марши. Иногда нам кажется, через какой-нибудь час мы сбросим на пол одежды и никакой антициклон не остановит грядущую бурю в постели. И если мы так считаем, значит сегодня определённо светит одинокая ночь в холодной постели. Никаких страстей. Может быть, даже раздеваться не захочется.

Вдруг зазвонил телефон. Незнакомый номер. Не люблю ничьи номера. Чаще всего за ними прячутся злые силы. Ни разу ещё не позвонили неизвестные добрые люди, чтобы незатейливо пригласить на копчёную форель под белое вино. Обычно, это или залитые соседи, или продавцы услуг, фантастических в смысле ненужности. Тысячу раз я зарекался проверять, кто в телефоне живёт.

Аппарат подпрыгивал от нетерпения. Катя показала бровью, насколько он не вовремя. Она была ближе и обаятельней мокрых соседей и марсианских коммивояжёров. Я сбросил вызов и мгновенно о нём забыл.

Мы хихикали, перемывали кости коллегам. Даже ходили танцевать. Катя смеялась, я был в меру учтив. И снова звонок. Следовало ответить что-нибудь такое, от чего неприятель в ужасе бы разбежался.

– Да. Слушаю. – Ответил я голосом опасного маньяка на взводе.

– Алё? – услышал и не поверил. Знакомый мягкий акцент.

– Алё, Матвей, это Ева.

Стало жарко. Она пояснила на случай, если у меня мощный склероз:

– Ну, вы пытались в субботу задавить одну туристку. Так вот, напрасно не довершили начатое. За вашу нерешительность я стану являться вам во снах и в телефоне...

Непонятно, где она раздобыла мой номер. Хотя, понятно, позвонила в больницу, там доктор Пивоваров сдал. Романтический наш. Ещё не зная, зачем она звонит, я всё равно почувствовал себя поцелованным пятиклассником. Разулыбался.

– Ева, здравствуйте, Ева. А-а-а... тут у меня шумно...

Прикрыл рукой свободное ухо и увидел Катины глаза. Точней, Катя поймала мой взгляд.

– Это клиент, – позорно соврал я шёпотом. Зря соврал. Теперь Катя точно знает, что не клиент.

Ева заговорила отчётливей:

– Матвей, я стараюсь громче. Но я не Монсеррат Кабалье, поймите. У вас в машине остался номерок химчистки. Ну, от пальто. Может, выпал где-то. Я ходила на штурм, всё зря. Там дурные нравы. Не отдают. Они не понимают, зачем такая приличная трезвая девушка лежала в грязной луже всей спиной.

– Ева, я сейчас немного занят...

– А-а-а. Я поняла. Вам не удалось переехать, вы решили меня заморозить. Вы страшный человек на злом автомобиле.

Отдайте квитанцию. Я клянусь уехать домой и никогда не пересекать улиц, где ездите вы и ваш трактор.

– Ева, послушайте, сегодня всё закрыто. Все химчистки спят. У них режим. Я завтра вам перезвоню, хорошо? Хорошо?

Катя ни о чём не спросила. Её вдруг заинтересовал старший брат секретарши. Речь о нём шла с другой от меня стороны. Я полчаса ходил кругами, потом предложил уехать вместе, всё-таки. Катя посмотрела внимательно, встала с прямой спиной. Очень выразительный у неё позвоночник, иногда. Мы спустились молча, поймали такси. Я назвал свой адрес. Катя попыталась, но опять смолчала. Пока ехали на Васильевский, вроде бы оттаяла.

Обычный вечер. Сидели под торшером, пили кофе, смотрели Альмадовара. Говорят, лучший способ превратить эстетский вечер в романтический – это подойти и обнять, молча. Дальше наладится. Счастлив тот, кто умеет быть простым в сложных отношениях. Я не умею. Начал очень издалека.

– Послушайте, Екатерина Гамлетовна. Очень серьёзный вопрос. Нужно срочно, немедленно осмотреть ваш шрам. Ещё раз.

И ухватил её колено.

– Идите спать, Матвей Александрович. Катя Гамлетовна устала и сердита.

Она отобрала ногу и пошла в комнату. У дверей обернулась.

– И не забудьте завтра позвонить клиенту Еве. С самого утра. В шесть. Нет, в пять.

Можно было отшутиться, заболтать, поймать её руку. Довести до кровати и упасть. И опять болтать, целовать в ладонь, пока бастионы не обмякнут. Но Катя ушла в спальню, я остался в гостиной. Посидел немного, стал раскладывать диван. Ночью уже думал, можно бы вползти. Пусть не ловким ужом, хотя бы неуклюжим вараном, к ней под одеяло. Вот прямо сейчас. Или на рассвете. Она же спит в десяти метрах. И, наверное, не прогонит...

Я злился на Еву. Свалилась на бедную мою башку, холера прибалтийская. Всё испортила. Я отдал бы полмира за такой же вечер, но с ней. Игривой, отчётливо заграничной. Умеющей из поворота головы сотворить эротическое шоу.

* * *

Катя – стойк. Утром проснулась, как ни в чём ни бывало. Мурлыкала песню из репертуара Винни-Пуха. В машине рассказала, как подписывали договор с мебельщиками. Те хотели расплатиться за рекламу кухнями. У мебели наценка 70 процентов. Папа сказал, что добавит к нашей цене столько же. Сумма сделки получилась королевской. Если согласятся, будем всей фирмой торговать столешницами на базаре.

Я кругами ходил по офису, ждал десяти утра. Будить иностранную принцессу, пока совсем не рассвело, могут только

очень самонадеянные люди. Ровно в десять спустился к машине. Квитанция лежала под сиденьем. Правда, выпала. Нашёл в телефоне вчерашний звонок. Набрал воздуха, нажал вызов. Очень, очень долгие четыре гудка. Успели вспотеть ладони. Потом щелчок и такое тёплое «Алё», что захотелось в него упасть.

– Здравствуйте, Ева.

* * *

Она ждала меня на Таврической. Её подруга, видимо, любила финский стиль в одежде. Взятая займы куртка походила на картофельный мешок. Но Ева относилась к тем счастливым прямоходящим, которым идут даже паруса и парашюты. По-настоящему изящное не испортишь, во что не заворачивай.

Перспектива экскурсии по городу Еву не восхитила. Она мёрзла в нашем декабре. Хотя, почему нашем. У неё там такой же. Зато выпить кофе согласилась. После химчистки. Забрали пальто, поехали к Ашоту. Заказали мясо и бутылку мальбека. Я сказал, что питерцы под кофе всегда подразумевают плотный ужин. Ева махнула рукой – несите всё.

В Риге названия закусочных заковыристей. Она рассказала, есть кафе «Четыре белые рубашки». Ещё есть «Почтальон звонит дважды». А её любимое заведение называется «Слава богу, пятница пришла».

Уселся за инструмент, как на коня вскочил.

Ева вскинула руки:

– Нет-нет, Матвей! Даже не пытайтесь соблазнять меня вот так, ройяльным тарахтением! Меня от Рахманинова укачивает.

Вторник в ресторанах скучный день. Ева улыбалась, смотрела в окно. Я перебирал блюзы и не мог придумать, как её удержать.

– Надо ехать, – сказала она.

– Послушайте, Ева. У меня нет фотоальбомов, чтобы пытать ими гостей. И обещаю не музицировать. Поехали ко мне. Просто чай пить. Или я готовлю прекрасный кофе. У меня колумбийский, с мятой. Турка медная, с круглым дном, как в учебнике. Только кофе, на полчаса. Или чай. Тоже с мятой. У меня там всё с мятой, даже пельмени. И вы удивитесь до чего целомудренны бывают музыканты.

– Пианист с туркой – я с трёх лет остерегалась встретить такого. Но вы другое дело, конечно. Особенно, когда не мучаете рояль. Спасибо, Матвей. В другой жизни, может быть...

– Ева, где логика? Ваша подруга, она с мужем помирилась?

– Вроде бы. С утра чуть не поубивали друг друга. Значит, отношения идут на поправку.

– Ну вот... Вы им будете мешать, а мне от вас сплошное счастье. Можете переночевать у меня, в тишине, за запертой

дверью. Я один, комнат много. Целых две. И клянусь навсегда забыть, что такое Рахманинов. Соседи будут вам признательны. Поедьте ко мне, ради соседей.

– Мотенька, спасибо. Отвезите меня домой.

Снег совсем растаял. Плохо освещённая Таврическая сделалась обычной чёрной улицей, каких в декабрьском Питере полно. Больше, Питер из них и состоит. Ева вошла в подъезд, обернулась, махнула рукой. И всё. Будто Новый год прошёл, на дворе бесконечный январь и до весны трижды от тоски помереть успеешь. Впрочем, пусть. Даже лучше. Катя надулась. Ева вернётся в свою Латвию. Я представил, как буду жить совсем без женщин. Стану играть ещё и по понедельникам. Днём писать рекламу и колонки, а по ночам, может, книгу. Изредка ко мне станут залетать случайные подружки, как мотыльки на нервный свет моего одиночества. И всем будет ужасно интересно, отчего я такой грустный и апатичный.

Я вернулся домой. Поставил машину. Когда уходила жена, помню, выл и прыгал на стены. У неё был любовник – внимательный, щедрый на цветы. Тоже музыкант, но куда более успешный. Звонил то из Франции, то из Бразилии. Я долго не скандалил. Верил, всё уляжется, она полетает, покружит – и вернётся. Однажды не выдержал, пошёл к гадалке. Мне хотелось знать, сколько ещё терпеть, чтобы жена раскаялась и снова прыгнула в мои объятия, широко раскинув ноги.

Прорицательницу рекомендовали родственники. Она ока-

залась свежей ещё дамой. Работала в сложной астролого-картёжной технике. Начиная со звёзд, потом брала всяких валетов и королей, выписывала таблицы чисел. Иногда махала руками, входила в лёгкий транс. При этом успевала стесняться. Просила прощения за недостаток опыта. Улыбчивая такая. Рассказала, сам Саи-Баба когда-то разглядел в ней способности и похвалил при большом стечении других прорицателей. У неё не было хрустальных шаров. Она не наносила на лицо сатанинской косметики, не применяла мрачных зазываний. Выглядела приличной женщиной.

Первое, что сказала: у жены другой мужчина. Я усмехнулся. Если мужик пришёл гадать, вряд ли дело в одной четвёртой финала Евролиги. Конечно, любовник. Сидели мы долго. Она чертила графики и схемы, записывала ходы в блокнот. Потом выдала результат.

Небесные звери решили единодушно: в области искусств мне светлая дорога. (Пианиста видно по пальцам, – подумал я). Однажды стану известен и богат. Не в следующий понедельник, но однажды. Прорицательница показала мне карту с бородатым клоуном, увитым вензелями. – Видите?

Я не видел, но с портретом незнакомца сложно было спорить.

А с семьёй – глухо. Сколько ни старайся, Сатурн всё разрушит. Или Плутон, сейчас не вспомню. В общем, ходит в небе какой-то негодяй. Он против моего счастья. Гадалка поставила чай и рассказала, как от неё самой ушёл муж. Она

всё заранее высчитала, но предотвратить не могла. Против Плутона никто не выстоит, уж он очень здоровый.

Чай был ароматный, гадалка с ямочками на щеках. Наверное, если позвать её на ужин, она бы нашла, что сказать Сатурну. Но я тогда думал лишь, с кем сегодня ночует моя Оля.

Пришёл домой. Разулся, не включая свет. Как был в куртке, побрёл на кухню ставить чайник. Почувствовал, как в кармане подпрыгнул телефон. Пришла эсэмэска. В животе завозился некий важный орган, отвечающий за волнение. Вряд ли это Ева. В химчистку было сдано только пальто. С другой стороны, она могла написать «Спасибо за вечер». Или даже больше, чем спасибо. Вытащить трубку – две секунды. Если не путаться в рукавах и застёжках. Я рывком сбросил одежды, вырвал из кармана аппарат, как печень из вражеского тела.

Письмо от Кати. Всего одно слово: «Позвони».

Гадалка ошиблась. Это не Плутон против моей семьи. Это я сам против. Не был бы скотиной, может, и Оля не ушла бы. Я просто не хотел ни для кого стараться.

Только не сейчас, Катя. Потом.

Расстелил постель. Поплёлся в душ. Услышал как долго, долго звонит на кухне сотовый. Снова Катя, не иначе. Я стал намыливать мочалку. Не хочу поднимать. Скажу, что спал. Нужно будет его зарядить, а то сдохнет завтра. После душа босиком вернулся на кухню. И не выдержал, посмотрел чей там звонок пропущен. Опять незнакомый номер. Самый

лучший в мире незнакомый номер с двумя тройками в конце.

Ева долго не подходила. Потом сразу, без приветствий:

– Послушайте, Матвей. У меня деловое предложение. Спасите меня за деньги. Деньги маленькие, но я сама тоже не гиппопотам. Вы неосторожно предложили мне кровать и ванну. Я согласна. На всё. Обещаю мыть чашки. Умею делать гренки. И я не храплю. Пустите на две ночи, до четверга. Потом я оседлаю метлу и улечу.

– Ева, вы так спрашиваете, будто есть люди, не мечтающие вас заполнить в гости.

– Вы не поверите, Матвей. Некоторые тут вообще не ценят. Ругаются сами с собой, меня в скандал не берут. Слово Евочки нет в природе. Вы были правы, подруга бурно мирится с мужем. И я точно мешаю их бабьему лету.

– Ева. Ева, я буду через двадцать минут. Снизу позвоню.

– Ой, вы такой стремительный. У вас полотенце запасное найдётся?

Глава третья

Кроме полотенца, понадобилась рубашка.

– Я к вам бежала впопыхах, побросав некоторые девчачьи запчасти. Например, пижаму в крупных зелёных собачках...

Выдал полотенце и белую рубашу.

Ева вышла из душа, от бутербродов отказалась. «Тесто после двадцати ноль-ноль превращает женщину в грустного ослика», – сказала она. Я предложил неопасный для фигуры огурец. Ева, так и быть, стрескала его, забравшись с ногами в кресло у окна.

Я деревенею рядом с такими красивыми. Язык делается ватный. Что ни скажи – глупо. Задеваю мебель, хихикаю как идиот. Женщины тянутся к другому типу мужчин, к мрачным элегантным скептикам. Самец должен быть снисходительно-ироничным, чуть усталым, cedящим слова.

Пытался завести беседу, но она почти не говорит. Многие дамы сами начинают говорить долго-долго, с местоимения «Я». Например: «Я сегодня встала в девять...» – и дальше во всех подробностях, чем завтракала, как ждала автобус, кто как посмотрел и что, должно быть, подумал.

У Евы наоборот. Ни слова о себе. Я спрошу – она лишь улыбнётся, пожмёт плечом. Зато слушает прилежно. Глаза светлые, смотрит пристально, какую бы ахинею я не нёс.

Очень приятный собеседник.

В час ночи она сверкнула коленками и направилась в спальню. Будто под гипнозом я поплёлся следом. Она обернулась на пороге кухни и сказала сердито, что у неё под подушкой будет лежать чёрный маузер. До рассвета границу лучше не пересекать.

– Вас когда-нибудь хлестали по щекам чёрным маузером? Ну вот, и не рискуйте. Я не боюсь остаться наедине с кроватью. Спокойной ночи...

Смешная. В голове моей распелись щеглы, скворцы и пёночки. Я устроился на кухне и к утру написал колонку для журнала «Шоколад». Редкая производительность.

Вот этот волнующий текст:

Романтический идеал самца – это август, сеновал и «мисс Алабама» в коротких шортах. Каждый мечтает встретить свою половинку, затащить в пыльный стог, раздеть и обвалить её в клевере, пырее, и прочем гербарии. И украсить ей волосы соломой. Так велят нам мужские представления о нежности. Закончив цикл ухаживаний, самец теряет интерес ко всем формам сельского хозяйства до следующего гормонального всплеска.

Эротические фантазии женщин, вы удивитесь, вообще не связаны с покосом и деревней. Женщины не любят, когда их толкут в тёмном амбаре. Там пыль и насекомые, считают они. К тому же, девичья голова на сеновале неизбежно принимает форму сеновала. Это

удивительный и гадкий феномен.

Зато, женщины с радостью посещают квартиры холостяков. Предпочитают те, в которых порядок и простор. Они не всегда стремятся, как в сказке, выжить зайчика из избушки. Ими движет другая корысть – к мужским рубашкам. Это старинная эротическая традиция. Рубаху следует надеть поверх трусов и блистать туда-сюда. Женщины правильно считают себя бесподобными в этом наряде. И нет лучшего подарка для дикого мужчины, чем гонять в его рубашке по его жилищу. Когда, застегнув воротник на груди, она пробегает мимо вас по важным делам, не полюбить её невозможно.

Многие не носят каблуков, или узких платьев, или шляп. Но рубашку, пять размеров больше своего, носят все. Сначала девушка прячется в душе, мурлычет там и плещется. Выходит – и как бы просит прощения за излишне открытые ноги. Она бы и рада одеться скромнее, вот только целомудренная пижама осталась дома. А эта рубашка лишь дотуда, докуда есть. И теперь она – несчастная жертва обстоятельств с вызывающе красивыми бёдрами.

И сразу видно, какая она беззащитная. И до чего же синие у неё глаза. Ещё можно намотать на голову полотенце. Со стороны будет казаться, огромная чалма вот-вот перевесит и вся фигура упадёт. Пусть всем будет тревожно за её зыбкий силуэт. С полотенцем следует прибыть в кухню, усестся. Поджать ноги так, чтоб они были бы видны отовсюду. И просто пить

чай. И если хозяин до полуночи не захочет подарить ей млечный путь, значит он или в обмороке, или сам женщина.

Если девушка просит у вас сорочку, это высшее доверие. И в ближайшие пару лет, может быть, вам будет позволено пройти с нею до сеновала.

Жители Тробрианских островов вместо прелюдии обгрызают ресницы партнёра. В племени Сиронио поедают волосяных паразитов, что значит «любовь навсегда». Корейки колют жениха штопальной иглой прямо в корень одноглазого змея. В Африке садятся попой на муравейник. В Микронезии даже не хочу говорить, зачем им муравьи. Страшные муки приходится терпеть народам, чьи мужчины не хранят в шкафу запасную рубашку.

Одноклассник Ваня рассказал. Он купил батистовую сорочку с надписью «Coca-cola». С рук, в Париже. Сам почти не носил. На груди помидорное пятно, очень интимное. Он хранил рубашку пять лет на отдельной вешалке в центре шкафа. Всё мечтал, его Наташа вернётся и выйдет из душа в «Coca-cola», как прежде. От одиночества Ваня раскладывал рубашку на диване, смотрел и гладил пальцем. Такой романтический идиот. И все знакомые дружки женского пола, со всеми сисями и гладко отщёртыми пяточками проигрывали жалкой тряпке, скупающей в шкафу. Ваня никому не давал её носить.

Но однажды в его дом вошла хозяйственная Рая. Она постирала «Coca-cola» и надела, не спросив.

Настоящий ведь батист, для ночнушки идеально. В голове у Вани случились путаница и наложение образов. Он бы наорал на Раю, но не смог в присутствии «Соса-Солы». Как потом показала жизнь, кто у него в священной рубашке, тот и Наташа. В смысле, вожделенная женщина.

Я когда узнал, поклялся не занимать у Вани одежду. Вдруг это окажется папин пиджак и мне придётся Ваню усыновлять. А раньше у него жила ещё неопознанная дама пятьдесят второго размера, и неизвестно, какие утехы практиковал с ней Ваня.

У меня самого есть итальянская рубашка цвета топлёного молока, но я вам о ней ничего не расскажу.

Проснулся в пять. Почти не спал, и не хочется. Такое состояние энергичной бессонницы случается в июне, когда белые ночи. Но чтобы в декабре – первый раз. Поднялся тихо-тихо. Написал записку:

«Ева!

В холодильнике молоко, яйца, масло, варенье. Две сосиски.

Хлеб в хлебнице, кофе на столе. Вода в кране. Осторожней с чайником, у него характер дикого монгола, свистит и плюётся. Если найдёте какую-нибудь другую еду, немедленно уничтожьте без жалости.

*Обнимаю,
Матвей».*

Если бы спросили про счастье, я сказал бы – это среда, двадцать второе декабря. 2010 год. Я не выспался, зеваю в пробке. В моей кухне медленная поутру Ева делает гренки. С сыром, или с вареньем, отсюда не видать. Впереди целый день. Доброе небо обязательно придумает, как её не отпустить. Например, высадутся инопланетяне, пожирающие электричество. Поезда встанут, самолёты погаснут. Ей придётся зимовать у меня. Мы будем рано ложиться, жарить овощи в голландской печке, ходить по дому в смешных валенках. А когда пришельцы уберутся в свою туманность, настанет лето, ей не захочется уезжать. Так понравится наш край вечно беременных туч. Она привыкнет. Научится отличать Невку от Фонтанки и пить чай с сыром «горгонзола». И прочая.

Она позвонила в десять.

– Матвей. Вам звонит графиня Монте-Кристо. Вы заперли меня наедине с холодильником, подлец. Я простая женщина и не понимаю, в какую сторону копать паркет, чтобы сбежать к морю.

Мне нужно было показаться на работе. Собирался потоптаться, поздороваться и улизнуть. Но жестокий мир большой рекламы восстал. Король кетчупов скоростижно утвердил наши чудо-соусы: «Дачу» и «Абвгд-йку». Захотел детальных концепций, сценариев и планов рекламных сражений. Приказал выкупить весь доступный телеэфир и сочинить рекламную песню. Всё срочно, за один день. Обещал выпла-

тить премию.

Мебельный барон тоже проснулся и взалкал вдруг аналитики по рекламной активности конкурентов. Тоже сегодня, к вечеру. Я раздал сто невыполнимых обещаний и растаял в воздухе, как джинн. Завтра, конечно, меня распнут на Дворцовой площади при большом стечении безжалостных зрителей. Но это завтра. А сегодня я выключу телефон. Меня ждёт Ева.

Развлекать белоснежек в школе не учат. Я пошёл натоптанным путём.

– Ева, у нас обзорная экскурсия по городу.

– Мотя, но есть же более гуманные пытки. Испанский сапожок, калёное железо. Есть Рахманинов, в конце концов. За что же так жестоко – на экскурсию?

– Вы виноваты в том, что вас охота скушать. У меня есть джип, чёрный как душа пианиста. Специально для бесцельных поездок с красивыми девушками. Если не хотите познать на себе ярость пианиста, одевайтесь. Иначе, у меня есть 1-й пианинный концерт, и я не побоюсь его применить.

Огромное авто компенсирует водителю сами знаете что. Так говорят психоаналитики. В моём случае машину выбирала жена. Ей тоже, наверное, не хватало. Сказала: хочу такого чёрного бегемота. И мы купили амбар на колёсах. Называется «ниссан армада». Японский «хаммер». Жена падка была на циклопические шильдики. Однажды купила солнечные очки с надписью «Dior». Огромная дужка целиком со-

стояла из букв. Очковый дизайнер решил, что много бренда не бывает.

– Смешные эти китайцы, – сказала лучшая подруга жены. – Считают что настоящий «Dior» тот, который виден за километр.

Очки стоили как новый телевизор. Мы купили их в фирменном магазине, чуть не из рук самого Диора. Чтобы как-то утешить жену, подобрали к очкам здоровенный джип. При нём гламурная оптика не казалась подделкой.

Теперь жена ушла к крупному музыканту из здорового оркестра. Квартира у него тоже бескрайняя. А я стал единственным в Питере лабухом, разъезжающим на паровозе. Если надо, я могу буксировать даже крейсер «Аврору». Только медленно.

Ева не носила украшений, не рисовала перед выходом новое лицо на месте старого. Джинсы, свитер и сапожки. Конский хвост, под ним фарфоровая шея. Удивительно. Чем меньше леопардов и самоварных аппликаций, тем дороже женщина выглядит. Ей хотелось подать пальто. За удовольствие прикоснуться к ней, я готов был сам превратиться в вешалку.

Экскурсия получилась не очень увлекательной. В голове перекачивались огрызки лженаучных фактов. Я нёс ахиною, Ева вежливо внимала. Мы въехали на Троицкий мост, упёрлись в пробку. Для стоячих обзоров лучшей точки нет. С центра моста видна, по часовой стрелке, Петропавловка, там

декабристы страдали от холода и собственных иллюзий.

Поворачиваем голову направо, видим мечеть с минаретами. В сравнении с дворцами вокруг неё ничего такого. Дальше Дом Политкаторжан. Первый дом-комунна. В нём двести квартир. Кухни были смонтированы в виде шкафов, обитателям надлежало питаться в общественных столовых. Жильцов дома сажали так густо и часто, что во дворе поставили памятник каторжанам. Он вырублен из соловецкого камня.

Ещё правее, у спуска к воде фигуры Ши-Цза, китайские лягушко-львы. Сделаны из маньчжурского гранита. Какой-то генерал прислал из города Гирина. Символизируют что угодно, в зависимости от фантазии экскурсовода.

За ними домик Петра, первое строение в городе. Если не считать финно-угорских крепостей, которым пять тысяч лет и больше.

Дальше трубы «Авроры». Крейсер. Каждый день из главного орудия вытаскивают по ведру окурков.

Виден шпиль Финляндского вокзала, там Ленин топтал броневичок, и от их взаимной страсти родилась революция.

Белая церковь «Крестов». Тюрьма в центре города.

Ещё правее Смольный, голубой на голубом, если небо ясное.

Серый куб с антеннами, это КГБ.

Потом Летний сад. Какой-то английский путешественник прибыл в Питер, увидел его стальную ограду – и отказался сходить на берег. Сказал, ничего красивей не бывает, смыс-

ла продолжать осмотр нет. И уплыл домой. Думаю, дело не в ограде. Просто ему сообщили что-нибудь волнующее. Например, жена загуляла с министром финансов. Он же не мог сказать, что спешит душить жену, свалил всё на ограду летнего сада.

Марсово поле, там до революции коровы паслись.

Памятник Суворову.

Михайловский замок. В нём Русский музей, Казимир Малевич, «Чёрный квадрат». При первой экспозиции картина висела в красном углу, где висят обычно образа в хатах. Под ней была подпись «Современная икона». Изначальный смысл, как видим, связан с искусством лишь левым боком. Это скорее была хулиганская выходка, провокация на социальную тему. Потом уже критики изобрели супрематизм и придали «Чёрному квадрату» статус шедевра. В другом зале висит знаменитая «Ночь на Днепре» художника Куинджи. Дети ищут за полотном лампочку. Им кажется, нарисованная луна подозрительно ярко светит. Моя бывшая супруга пыталась отодрать картину со стены. Ей было десять лет, здоровая уже. Смотритель музея драл её за ухо. Оправдали по малолетству. Больше я про Русский Музей ничего не знаю.

Ещё поворачиваем голову, видим Мраморный дворец, потом Эрмитаж, Адмиралтейство. Немножко, Исакий. Его фундамент строили сто двадцать пять тысяч человек в течение пяти лет. Толщина стен достигает пяти метров. Для теплоизоляции купола применили сто тысяч глиняных горшков.

Отличная акустика получилась. Попробуйте сунуть голову в горшок и крикнуть, многое поймёте, об акустике. Купол три года золотили парами ртути. На золочении отравились и умерли шестьдесят мастеров. А всего при строительстве храма погибли больше ста тысяч рабочих.

Смотрим дальше: Биржа, перед ней ростральные колонны. Кунсткамера, отсюда не видна. Лучшее место для борьбы с аппетитом. Коллекция несчастных уродцев в спирту. Это уже Васильевский остров. Главная его достопримечательность в том, что на нём живу я, мой ненаглядный. Улицы на Васёке называются каналами и линиями. Царь Пётр хотел устроить Венецию. Думал, гондолы поплывут. Но Меньшиков украл бюджет мелиораторов. Крестьяне вырыли десяток узких траншей, в которых гусям было тесно. Пришлось засыпать.

Пробка тронулась, мы докатились до Михайловского замка. Место постройки указал лично Архангел Михаил. Явился самому психически нестойкому солдату. Император Павел не стал проверять зрочки военнослужащего, сразу пригнал шесть тысяч строителей. Решительный был правитель. Справил новоселье, не дождавшись окончания работ. Прожил в замке 40 дней. Его задушили шарфом и врезали по башке табакеркой. Он царствовал 4 года, 4 месяца и 4 дня. Ему было сорок семь лет. Столько же букв в надписи на памятнике, который ему поставили ещё при жизни. Вот нельзя при жизни памятники: одна юродивая сказала, – сколько

букв на постаменте – столько царь и проживёт. Разумеется, всё совпало. В исторических враках всё всегда удивительно сходится. Сейчас по замку бродят 17 приведений. Смотри-тели зовут их «Сущностями». Смертоносная табакерка хранится в Эрмитаже, вся в бриллиантах. На ней вмятина от черепа Его Величества.

Мы выехали на Садовую. У Старо-Никольского храма должно быть место, откуда видны сразу девять мостов. Почему-то этого места мы не нашли.

– Кто-то спёр немножко мостов, – предположила Ева.

Двинулись смотреть бронзового кота. За Елисейевским универмагом дом, на втором этаже приделан кот Елисей. В позе «сидеть, кот». На противоположном фасаде – кошка Алиса. В позе «хочу тебя, Елисей».

Мы ездили по городу, эрудиция моя иссякала.

– Вот Дворцовая площадь. В 19-м веке здесь тоже паслись коровы. Лично царские, наверное.

– Какой сельскохозяйственный город...

– Да. Ещё раньше на площади была свалка строительных отходов. Дворец строили, осталось всякое, доски, известь. Лежало много лет. Однажды Царь разрешил народу взять, кто сколько унесёт. За ночь горожане растащили всё. Видите, до сих пор как чисто.

Многие столетия город был диким и опасным. В 1819-м у площади Восстания на фонарщика напал волк. Там же у Елизаветы Петровны находился «Слоновий двор». Шах

Надир подарил царице четырнадцать слонов. Дескать, катайтесь, русские дикари. Скотину купали в специальных прудах и поили водкой. Слонам для жизни нужен алкоголь. В России огромных скотов любили. Персонал чувствовал в них русскую душу.

...Вот гостиница «Октябрьская», до революции «Северная». В ней жил имам Шамиль. 30 лет воевал с русскими, построил из абреков военное государство. Это подвиг, учитывая качество строительного материала. В конце жизни призвал мусульман к миру. Русские, сказал он, благородны и воевать с ними не надо. Царь произвёл имама во дворяне. Умер Шамиль по пути в Мекку, совершая Хадж. По исламским меркам настоящий святой человек.

После революции в гостинице был интернат для беспризорников – «Государственное общество призрения». Сокращённо ГОП. Отсюда пошли гопники.

...А вот Рэдиссон. Он же кафе «Сайгон». Бродский сюда приходил. И прочая богема...

* * *

Идея возить девушку по немытому Питеру уже не казалась мне удачной. Из бурой грязи растут бесцветные дома – вот и вся экскурсия. Нужно очень любить город, чтобы гулять по нему в декабре. Темнеет рано, привет депрессия. Ева, впрочем, казалась довольной. Она была из числа благо-

словенных барышень, не склонных к меланхолии. Пожалуй, это и всё, что я знал о ней. Ещё, ехали мимо Мариинки, она сказала: «Я тоже танцую. Немножко».

Мы воткнулись в новенький сугроб на Малой Конюшенной. Пошли пешком, посмотреть почём в местных бутиках красота. Ничего не купили. В сравнении с Ригой ужасно дорого, сказала Ева.

Дела мои плохи. Завтра она улетит. Поклянётся не возвращаться в эти темноту и сырость. Последней моей надеждой был итальянский ресторан на канале Грибоедова. «La Provincia». Там пицца с пармской ветчиной и вялеными томатами. За роялем трясёт головой главный оболтус нашего курса Паша Фридман. Со среды по субботу, после восьми.

Фридман был не один. В гости пришёл некто Толик, тоже консерваторский хлыщ. Самая нервная виолончель города и области. И с ним ещё два прохиндея, их я не знал. Судя по криво бритым рожам, все музыканты. В арьергарде три тощих гетеры, разной степени кривоногости. Стали знакомиться. Девицы были красивые и голодные. Их имён я не пытался запоминать. Сейчас они кажутся мне одной сплошной Анжелой. Кавалеров давайте считать Петями, чтоб не путаться. Фридман побрёл к инструменту, Пети заказали водки.

Музыканты в час попойки – страшные люди. Второй раз Фридмана отчисляли из консерватории, когда он уснул в аудитории. Пришёл репетировать трио с кларнетом и виолончелью. Брамс, ля-бемоль. Исключительно нудная компо-

зияция. Чтобы не умереть от Брамса, трио заготовило две поллитры. Но Брамс победил водку. Фридман упал, сломал пюпитр. Идти он не мог. Более стойкие виолончель и кларнет оказались не в силах ни разбудить его, ни вынести вон. Тело поставили в шкаф с нотами. И закрыли. И ушли.

Фридман проснулся утром следующего дня, когда класс заполнили девочки-вокалистки. Услышал ангельское пение, поднять рук не смог, вокруг темнота и деревянные на ощупь стенки. Он не помнил, как его хоронили. Стал орать и биться.

Взбесившийся шкаф напугал вокалисток. Барышни многое знали о взрослой жизни, многие даже ночевали в общешитии. Но никогда они не видели, чтобы мебель вела себя так разнузданно. Шкаф грустно урчал, несколько раз подпрыгнул. Потом в муках родил пьяного человека.

– Это Павел Фридман, фортепиано, – представила Пашу преподаватель вокала, стальная на вид дама в квадратных очках. С тех пор его выгоняли ещё трижды, но всякий раз прощали. Талантливый, со бака.

Время ускорилося. Вдруг вижу, тёплый Толик стоит перед моей Евой на колене и втирает про нежное сердце музыканта. И что пианисты это сплошные хлопоты и слёзы. То ли дело виолончель. Воплощение верности, честности и смиренного духа. Тут же одна из Ангел стала пинать Толька. Ей сделалось интересно, как он себя ведёт, сволочь. Ева в ответ лишь улыбалась. Невозможно было понять по её улыбке, ка-

кие мысли в её голове. Я спросил Толяна, чего бы он хотел напоследок, прежде чем умрёт. И не хочет ли он стать первым виолончелистом, убитым крышкой рояля? И вдруг потерял страсть к иронии, потащил его в туалет, бить морду. Мы потрясли друг друга за лацканы. Знаете ли вы, что танго некогда было мужским парным танцем? И смысл его в том, чтобы и сплясать, и кадык сопернику не выкусить.

На дым попойки подтянулись ещё музыкальные личности, которых никто не помнил. В ресторане стало тесно от талантов. Решили перебраться к Толику. Он живёт рядом, в двух подворотнях от генштаба. Коммуналка на первом этаже. Толик вяло протестовал, на него не стали сердиться за нелюдность. Даже взяли с собой. Я с тревогой поглядывал на Еву, не сердится ли. Зря тревожился. С ней уже обнимались, подносили бокал, освобождали кресло. Самцы редактировали остроты до уровня почти приличных. Она нравилась всем. Толику, его гетерам и всем этим пьяным гениям. Она пришла со мной, но я понимал, вот-вот упрут.

Из еды у Толика только вино. Оно слегка пахло носками, Толик объяснил, потому что домашнее. Сам из Молдавии привёз.

Он заперся в кухне с доверенными женщинами. Раскурил косяк. Но смежная квартира вызвала наряд. Им надоел грохот попоек. Прибывший сержант унюхал запретный запах с улицы. Обрадовался, вызвал подкрепление. Толик увидел, как в кухню всплывают кокарды и погоны. И щелчком отпра-

вил бычок в чёрный космос, расположившийся сразу за форточкой. Его дамы милицию не видели, стояли спиной. Им показалось, Толик выбросил бычок, потому что скотина. И успели сказать много эмоциональных слов. Тут их всех и повязали. И нас, заодно.

В один воронок компания не влезла. На помощь мчался бобик номер два, арестованные гуляли. Подошёл совершенно трезвый Паша Фридман, с дамой. Их тоже запихнули. Паша выкрикивал демократические лозунги, клялся родной консерваторией, что не при делах.

Нас переправили в отделение. Компания даже не заметила переезда. Девочки обсуждали Витю, который пришёл к Свете и так танцевал, что выпал из окна. Мальчики ругали правительство. Я поглядывал на Еву. Она на меня – почти нет. Зато, когда стреляла взглядом, чувствовал, что пойду в Тюмень босиком, только пусть она вот так вот смотрит. Потом ворвался чей-то папа, наорал, отслюнявил денег и нас выгнали в чёрный декабрьский Питер.

Домой шли пешком. В четыре утра только добрались. Я думал, вот выйдет она из душа – буду просить прощения. За всё. Предложу дружить по-взрослому. Надо ловить момент, пока все нетрезвые.

Больше ничего не помню. Проснулся в кресле, аккуратно накрытый пледом. Часы показывали восемь. На кухне шипело и потрескивало. Ева не только победила чайник. Она владела заклатьем яичницы с беконом. Как мало мы, всё-таки,

знаем о добрых феях. Я крякнул в сторону кухни неправду про доброе утро и побрёл в санузел. Нужно было бритвой и мылом превратить алкоголика в человека. Потом ужаснулся, вспомнил, чем закончилось знакомство с культурной столицей России. Сделал очень, очень серьёзное лицо, пришёл на кухню.

– Послушайте, Ева. Вчера, это что-то ужасное, бес попутал. Зато вы знаете теперь, как опасно связываться с виолончелистами. И вообще, с Толиками...

– Мотя, всё было прекрасно. – Ева подвинула мне гренку. Она пританцовывала, как Золушка со сковородкой. Вдруг подскочила, чмокнула в щёку.

Не скрою, я хотел поцелуя. Но не так же, мимоходом. Между делом. Будто пуделя в нос. С другой стороны чмокнула. На большее я и не надеялся. Точнее, как раз надеялся. Болван ужасный. Втрескался.

Ева ушла собирать чемодан. У неё в полдень самолёт. Из кухни было слышно, она звонит подруге. Смеётся.

В Пулково-II пусто. Пограничные войска представлены двумя дамами, похожими на беляши в униформе. Женщины мучительно скучали.

Я затащил её в «Шоколадницу», тут же, в холле. У меня оставалось полчаса для чуда. Стал врать, будто собираюсь писать рекламу нижнего белья. И, конечно, если бы она нашла в себе мужество, я спросил бы у неё консультацию. Можно через скайп...

– Ой, Мотя, Мотя... Будто вас некому консультировать. Вчера в бобике, между прочим, на ваших коленях сидели сразу три женщины.

Надо же, запомнила.

– Ева, они мне отдавили всё. Даже то, чего у меня никогда не было. Уже сутки, как я их ненавижу. Откройте мне свой электронный адрес. Я напишу вам смешное письмо.

Вдруг вспомнила о деньгах. За ночлег. Стала совать ворох купюр. Приличная сумма, между прочим. Мы толкали друг другу бумажный ком. Официантки наблюдали с интересом. Не понимали, за что внешне разумные люди так ненавидят рубли. Для кого-то и они – деньги.

– Ева. Послушайте. Я не беру mzды со сбитых женщин. Лучше так, я приеду в гости, вы отведёте меня в ресторан. Я хочу испытать на себе национальные блюда.

– Не советую. У нас молочный суп с овощами и тушёная репа. Вам не понравится.

– Я уже чувствую, что люблю репу. Требую впечатлений на всю сумму.

– Что? Лопнуть, обожравшись репой? Какой глупый финал.

– Ева. Совместно лопнуть – это так сближает.

– Хорошо. Я напишу. Ждите.

Она ушла за ограждение. Международных рейсов из Питера почти нет, таможенники подняли головы, но сил разомкнуть веки не нашли. Мытари ненавидели все виды багажа

и само это слово. Ева покатила чемоданчик дальше, обернулась, махнула рукой. И всё. Моё небо погасло.

Глава четвёртая

Есть много неприятных профессий. На пример, исследователь комаров. Челюсть ходит по болотам, приманивая опасных тварей жаром своей души. Его постоянно кто-то протыкает и сосёт. Или тюремные психологи. На них так часто нападают, что они не жалуются уже, а только вздыхают. Таксидермисты страдают от одиночества. Запах тлена очень липуч. Сложно полюбить человека, который пахнет в постели мёртвым ёжиком или белочкой. Или вот, по телевизору показывали: в чавкающем иле калифорнийского залива люди собирают длинных зубастых червяков. Синяя грязь по пояс, червяки кусаются, солнце жарит и нужно убежать, пока не вернулось море.

В сравнении с перечисленными, у меня отличная работа. Стол рядом с фикусом, это почти на природе. Тихий новенький компьютер, монитор большой как парус. Многие сотрудники – приятные люди. Оклад не кружит голову, зато стабильный. Начальник костлявый, злой, но справедливый. Иногда, вне всяких причин он выписывает премии. Офис сразу превращается в оазис добра и человеколюбия. Расцветают любовь, братство и моральное возрождение. Все носят друг другу кофе из аппарата и применяют в обращении уменьшительные суффиксы. Мы больше не Сидорова и Коновалов, мы Ларочки, Славочки, Викики и Мотеньки.

И ещё Катя с трогательной кулинарией. Иногда кажется, она готова запечь в пирог своё сердце. И как же не хочется тащиться туда с гудящей головой и не сделанным домашним заданием.

Шеф выключает мне печень и будет прав. А с другой стороны, пусть отправляются в афедрон, со своими помидорами. Уволюсь, будут знать. Уеду в Ригу. Сниму комнату, пусть в ней будут кровать с ямами и вспухший от старости пол. Скрипучий скворечник с видом на ржавые крыши. Стану писателем. Ева придёт. А я, такой взлохмаченный, усажу её слушать новые главы. В романе будет много любви и мистики. И обязательно выплюсь. Ева сейчас в небе, наблюдает город Псков, примерно. Или дремлет. Счастливая. Я отогнал липкую мысль о самолётных неприятностях. Потом набрал полную грудь воздуха и вошёл в кабинет директора.

Гамлет Суренович смотрел печально. Так глядит возопревший от бега хозяин на блудного спаниеля. Он бы меня убил, но нечем.

Шеф помолчал минуту, перешёл к делу:

– Ты уволен.

Лесные птицы России в моей голове растерянно смолкли. Моя готовность покинуть жестокий мир рекламы оказалась мнимой.

Начальник завёл прощальную проповедь. Тихо и деловито. Он рассказал, как вчера директор кетчупов выразил недоумение. Он звонил в полночь. Он весь день звонил, сми-

ренно ждал обещанной концепции. Всё зря. Нам его деньги, перепачканные кровью астраханских помидоров не нужны. Видимо. Нам интересней водить крашенных баб по Пассажу. Поэтому наш бриллиантовый клиент сегодня подписывает договор с господином Дулепиным, заклётым другом нашей фирмы. И не удивительно. У Дулепина дисциплина. Его работники приходят в восемь не только в день полочки. И снимают трубку даже ночью. А наши господа сочинители парят над бытиём. Гордым птицам безразлично, где мне взять для них зарплату.

Голос начальника окреп. На волнах его метафор закудрявились барашки.

– Мало, что ты в рабочее время катал по городу каких-то прошмондовок. (Прошмондовку – не прощу!) Ты же, конский член, наобещал нашим кормильцам исполнения их эротических фантазий. А сам сбежал!

Не уволит – понял я. Не сегодня. И опустил глаза. Академическая поза «Мотя кается» не подводит меня уже тридцать лет. И правда, Суменович сменил молнии всевышнего гнева на сердитое пыхтение.

– Короче. Сейчас ты поедешь к помидорному князю. Его зовут Сергей Иванович. Мне всё равно, какой вид секса ты ему предложишь. Если он не полюбит тебя мгновенно прямо в своём кабинете, я сварю кетчуп из тебя.

После кабинета Гамлета Суменовича офис кажется заповедником тихого счастья. Запах хвои, трески, мандаринов и

яблок. Фикус над столом размышляет о Новом годе, у клавиатуры блюдце с пирожками. Снова Катя. Сама она сдобу не ест, только хлопает себя по бёдрам тревожно. Зеркало клянётся ей, она на свете всех милее. Но Кате слышится – «толще». Не печь она не может, без её пирогов Земля перестанет вращаться. И кто-то должен всё это съесть.

Я отодвинул блюдце. С Катей не поздоровался. Злой потому что. Краем глаза видел, она пожала плечом, будто бы ей всё равно. Погубят однажды мою карму эти её обиженные плечи.

– Алло, Сергей Иванович? Это Матвей Станилевский. Компания «Антарес». У нас родилась отличная идея для видеоролика, я могу подъехать?

Три пятых от цены пива составляет реклама. С лимонадами ещё хуже. Только в Европе кока-кола тратит в год восемь миллиардов долларов. На продвижение товара. Стоимость стиральных порошков, зубных паст и чипсов в разы ниже магазинной цены. А всё телевизор. В нём белозубые хозяйки, девки с задницами неземной красоты, счастливые дети с радостью объяснят нам же, что есть, пить, и чем вытирать нос.

Если потребитель не берёт лимонад, вложите миллион в его рекламу. Плебс всё выпьет и попросит ещё. Если денег не хватает, займитесь кетчупами. С точки зрения школьной химии, кетчуп – тот же лимонад, только гуще. Купите больших кастрюль, два вагона томатной пасты, наймите старушек

с мытыми руками.

Кетчупу не нужна реклама. Его покупают, потому что русские сосиски сами по себе не съедобны. Их можно жевать, лишь обмазав чем-то ярким, острым, с укропом и помидорами на этикетке. Люди хотят, чтоб еда была яркой, с запахом дымка и трав. А то, что похоже на поролон или бранные остатки половой тряпки они не жрут. Странные.

Средняя семья съедает восемь литров кетчупа в год. Это число неизменно, как «ПИ», скорость света или соотношение мужчин и женщин. Рекламирывать соус глупо. Только деньги зря потратишь. Сколько ни крути в экране яркие бутылочки, прирост прибыли будет меньше, чем потрачено. Это закон. Но Сергей Иванович:

а) этого не знает;

б) считает себя помидорным мессией.

Поэтому мы осчастливим его здесь и сейчас. Потратим чечмодан его денег, снимем кино о жизни простых помидоров. Получим в Каннах Пальмовую Ветвь. Потому что шедевр. А когда реклама не сработает, скажем: рынок не готов к передовым идеям. Мы признаемся Сергею Иванычу один на один, его задумка гениальна, бесподобна и потрясающа. Сергей Иваныч погрузит и согласится с нашим диагнозом. Покупатель – болван и идиот. В конце рекламной компании будут банкет и планы новых сражений.

Идея ролика проста. Некто невидимый льёт на сосиски густую массу огнеопасного цвета. На бутылочной этикет-

ке надпись «Мужской». Мясные изделия, почуяв приправу, встают вертикально, как баллистические ракеты. Камера берёт их крупно. Огромные, толстые сосиски нервно подрагивают. Кетчуп многозначительно стекает по их блестящей коже. Низкий женский голос говорит:

– Кетчуп «Мужской». Вы бесподобны.

Или что-то подобное. И всё. Чем наглей, тем лучше.

Я готовился к непониманию. Идея была слишком дерзкой даже для Сергея Ивановича, с его торчащими усами. Но я не ожидал, что он примчится к шефу, схватит за лацканы и закричит «Вот! Вот!».

Гамлет Суменович не сразу понял, что нас так хвалят. Потом обрадовался, велел готовить договор. Я пересказал сюжет ролика. Шеф в ответ посинел. Стал шипеть что-то гневное про порнографию. Дескать, маркетинг – это искусство, а не бихевиористская пошлятина. Я рассудил, что моя часть операции закончена. Дальше пусть начальники решают. Извинился и вышел. И уехал в журнал «Шоколад», обсудить текст колонки. Мой редактор Таня никогда не отрицала роль эротики в искусстве.

* * *

Ждал письма от Евы, таскал теле фон в нагрудном кармане. Вечером не выдержал, позвонил сам. У меня был повод. Я не знал как она долетела, волновался. Сотовый в ответ за-

говорил непонятной змеиной речью. Видимо, с той стороны аппарат отключен. Сообразил, у меня ведь питерский номер записан. В Риге у неё другой, конечно. Значит, писем можно не ждать. Чтобы написать дежурное «долетела, всё ОК», ей пришлось бы вставить нашу сим-карту. Вряд ли она станет так хлопотать. Подумаешь, вместе просидели час в кутузке.

Дом хранил её следы. Будто убеждал, что она не снилась мне. Постельное бельё сложено на кресле. На тумбочке Набоковых, читала перед сном. Вымытая кружка на столе. Я всегда на сушилку ставлю. Посмотрел, повертел, оставил там же. Пусть опять покажется, будто она здесь. В ванной резинка для волос. Рядом с зубной пастой. Вечером крутил в пальцах, надевал резинку на руку, снова снимал. Утром перевернул квартиру, не мог найти. Нашёл под подушкой. Становлюсь сентиментальным. С утра положил резинку в карман и поехал на Таврическую, знакомиться с Евиной подругой.

Её зовут Зина, она не хотела открывать. Допрашивала меня сквозь дверь. Я просил рассекретить рижский номер Евы. За баррикадой сменилась диспозиция, вышел Зинин мужик, бывший коллекционер коньяков. Заспанный, в трусах. На вид, какой-нибудь слесарь.

– Ты кто?

Из-за его спины выглядывала Зинаида. Крепкая бабенька с дымным взглядом. Непонятно, почему она опасалась мне открыть. При такой комплекции. Напасть на неё решился бы только очень неразборчивый насильник.

– Здравствуйте, неловко вас беспокоить. Я знакомый Евы. Она у меня останавливалась. И забыла кой-какие вещи...

Ох, не люблю я проспиртованных слесарей в ниглеже. У них какой-то свой мир, непонятный и враждебный. Обсуждать с ними Канта невозможно, настолько далеки они от критики чистого разума.

– Давай сюда, что там, передадим, – сказал мужчина фамильярно.

– Собственно, я как раз собираюсь в Ригу и сам могу отвезти. Вот только адрес её, или телефон...

Мужик задумался. Или просто перегрелся процессор. Всё-таки, второй подряд вопрос за минуту.

Вышла вперёд подруга. И сразу вскачь:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.